

Новацкий Виктор
Исаевич

25.10.95

Так рождаются театры

Первенец российско-японского происхождения

Мир. 208. — 1995. — 25 окт. — 18.

ЯРКИЕ блики рвут густой мрак, каплют на комья папье-маше. Неровные шары и конусы превращаются в паучьи гнезда, крылья летучей мыши, тени карликов, видения диковинные и тревожные. Смутные образы сбиваются, теснят друг друга, путают грезы и ужасы. Сияние внезапно рождает фигурки, замершие в величественных позах. Движение луча вызывает бабочку из глубины мифов. И вновь все смысляет чернота, нелепо наколдывая новый кошмар — оскал Саломеи зловеще вторит пламени в чаше. Хищная сила агрессивно истребляет свет.

Над чем ворожит этот спектакль? Зачем будоражит спящих духов? Зачем заставляет время дико скакать через миры, через пространства? Действие резко сталкивает контрасты расплывчатых форм и ясных очертаний, напряженного страха и спокойного узнавания. Каждое следующее видение настигает врасплох, опрокидывает предыдущее. Призраки возникают и улечиваются, тени шмыгают туда-сюда, пугают ухмылками химер. Все изменяется до неузнаваемости, всплощается в противоположной ипостаси. В спектакле "превращение" обернулось японским словом "Кавариме", звучащем как магическое заклинание.

И вроде все понятно в "механизме" представления. Сцену заменяет стол, прикрепленная к нему фанерка — задник-экран. По обе стороны "сцены" присели на корточки две актрисы. Они передвигают предметы, направляют на них свет карманных фонариков. Два женских профиля похожи на зеркальные отражения. Свет пробивается через отверстия в столе, раздвигает щели на заднике-экране. Нет никаких закулисных тайн. Но крошечное пространство чудится гигантской бездной, внушая настроения всецеленской катастрофы.

Пересечение полярных начал в "Ка-

вариме" подобны негативу и позитиву в фотографии. Черно-белый спектакль, сотканный из света и теней, всполохов пламени и стекольных отражений, как ничто другое, родствен природе фотографии. И, как ни одно другое изображение, не поддается фиксации. Его невозможно поймать в объектив фото- или видеокамеры. "Одноименные" структуры сливаются, засвечивая результат.

Движения рук, перемещения предметов, преломления света, форм, смыслов подчинены музыке Владимира Тарасова, жесткому и стремительному ритму, построенному на переключке четкой дробы и резонирующих, гулких раскатов. В звуках слышится исступление дервишей и безумства грома.

Неожиданно тихий финал медленно рисует земной пейзаж. Остов хижины или ворота и плавно падающий снег. Кошмарная сменяемость видений уступила место протяжной, медитирующей мизансцене-паузе. Будто бы наступила вечность, презирающая суету.

Лаконизм зрелищности "Кавариме" искупила избыточность символов, метафор и знаков. Спектакль кажется каблистической шифровкой, понятной лишь посвященным, или поэтическим произведением, требующим не понимания, а отзвука чувств.

Режиссура Виктора Новацкого манипулирует образами, намеками и приметами множества культурных систем. Постановщик провоцирует и поднабивает, льет густой поток ассоциаций, заманивает в топи словесных теорем лукавого постмодернизма, окружает оборотнями смыслов, миражами догадок.

А предыстория рождения спектакля на редкость наивна. Известный искусствовед, фольклорист, исследователь театра кукол (в прошлом еще и актер и режиссер) Виктор Исаевич Новацкий/зашел как-то в галерею своей давней знакомой, московской художницы Марины

Перчихиной, и познакомился там с японским скульптором Куми Сасаки, приехавшей в Москву изучать российский андеграунд. Разговорились. Возникла идея совместной работы. Через некоторое время пришла посылка со странным содержанием. Таможенники приложили справку: "За порчу груза ответственности не несем". "Непонятные обломки" Новацкий сложил в двадцатиминутное действо, подключив к нему актрис Марину Бауэр и Ольгу Сидоренко (первые исполнительницы), затем — Розу Гимаддинову и Наталью Суровенкову (художниц по основной профессии). Галерея Марины Перчихиной Spider & Mouse (Паук и Мышь) приютила спектакль. Так возник театр "Переулоч"

Елена ГУБАЙДУЛЛИНА